

ПРИХОДИЛОСЬ ли вам сидеть после спектакля в темном и пустынном зрительном зале? В неярком полусвете сцены медленно движутся рабочие, снимают декорации, переносят бутафорские деревья, скалы, отпрыская путаницу тросов, веревок, кулис, блочков. Это та самая пора, те единственные минуты, когда искусство снимает с себя блестящие одежды.

Не эта ли косвенная причастность к тайнам искусства не отпускает из театра многих технических работников сцены, делал их преданными поклонниками «своего» театра? Думается, именно она. Потому что ни отсутствие нормальных выходных, ни самый что ни на есть «беспорядочный» распорядок дня — ничто не мешает им любить свою работу.

В любом из новосибирских театров найдется десяток-другой одержимых, долгие годы изю дня в день пекущихся о своем громадном хозяйстве. Они помогают складываться той особенной, индивидуальной атмосфере театра не только на сцене, но и за кулисами. У краснофакельцев — одной, в ТЮЗе — иной, в академическом — не похожей на все остальные.

Пройдемтесь по этажам, коридорам и лестницам, по бесчисленным закоулкам и лабиринтам огромного здания, которое именуется Новосибирским государственным академическим театром оперы и балета. Снаружи — это торжественный ритм колонн у главного входа, огромный чешуйчатый купол, давно ставший своеобразной эмблемой города. А внутри — парчовое сверканье алого занавеса и роскошный пурпур драпировок и лоджиях со статуями греческих богов. Это видит каждый день тысячи людей.

БУДНИ, РОЖДАЮЩИЕ ПРАЗДНИК

Но есть в театре и такие места, где никогда не ступает нога зрителя.

Легко представить себе эмоции новичка, впервые перешагнувшего порог «святой святых» — сцены. Его ожидает увлекательнейшее, неповторимое в своем роде путешествие. Вот склад декораций... Если бы пришедшему сюда вдруг мысленно захотелось соединить звенящий кольчужой XII век с гремящим мазуркой и балным блеском XIX, он нашел бы для этого все необходимое. Соседствуют, уживаются рядом былинное «Слово о полку Игореве», то бишь «Князь Игорь», с дворцовым убранством польских шляхтичей, Гремисинский зал с героическим Севастополем 1945-го...

А двумя этажами ниже — костюмерный гардероб. Вот уже семнадцать лет им заведует В. А. Петрова. В длинных рядах многоярусных вешалок собраны бесстрастные свидетельства веков, культур, сменявшихся мод, эстетических вкусов и идеалов. Здесь можно проследить эволюцию человеческой одежды от шкуры леопарда до роскошных балльных одежд.

Не менее интересно и знакомство с поделочными ма-

стерскими: столярной, слесарной, декоративным цехом, пошивочным, бутафорским и другими, в которых рождается весь театральный быт. Нишу, выловит любопытство и гримерно-парикмахерские, а также спрятанное под сценой таинственно загадочное «чрево» театра — система открывающихся люков, пульт управления световыми эффектами, где священнодействует художник по свету Р. Рахимов, одиночная камера суфлерки и склады-сейфы выжидательно молчащих декораций...

И всюду — люди, неукоснительно несущие будничную вахту. В академическом театре не может не вовремя быть открыт занавес, с опозданием погашен свет. Здесь главенствует свой, точный, годами выработанный ритм труда, и нарушить его — значит допустить кощунство. Без двадцати семь дается первый звонок, и широко распахиваются восемнадцать дверей в зрительный зал, ровно в 19.00 звучат первые аккорды увертюры...

Иногда администратор В. Е. Афанасьев из-за большого числа зрителей — гардероб задыхается — просит подождать с началом спектакля на 3—5 минут. Ему, конечно, разрешают, но записывают в специальный журнал: «Начало задержано по просьбе администратора».

Если заглянуть в балетный зал, где идет урок, то можно увидеть, как и легкой стойке, элегантно опоясывающей три стены, «пригвождены» тоненькие фигурки девушек. Слышится глухой, мерный стук ног. Не удивляйтесь, пожалуйста, тяжелому, прерывистому дыханию и поту, покрывающему аскетически тонкие лица и шею в глубоком вырезе трико. Не удивляйтесь мохнатым полотенцам, как на ринге: труд балерины нелегок. Вот бы сюда нам, мечтающих о балетной карьере дочерей! Каким жестоким мучителем показался бы им речетник С. Г. Иванов, в недалеком прошлом сам солист балета. Как он немолочно требователен, сурово педантичен. Но не негодуите: иначе нельзя. Здесь шлифуется тот волшебный, невесомый полет гилловщины на сцене, за которым искусно скрыт тяжелейший труд и напряжение всех духовных и физических сил.

...А теперь остановитесь где-нибудь в центре этого большого, напряженно пульсирующего дома. И сразу же, со всех сторон нас обступят звуки. Можно услышать, как согласно следуют друг за другом арфа и виолончель, разучивая мелодию асафьевского балета «Пламя Парижа»; как стучит дирижерская палочка о виолитр: дирижер просят тишины; как приотраивается дирижерский тенор к хору; как где-то сколочивают, строят, красят, чинят, лепят, как шипит утюг и рвется непослушная нить...

Большой, сложный механизм, все части которого взаимосвязаны, каждый вечер рождает пленительную тайну театра, приобщение к чарам которой возмечтывает человек.

Н. СЫРЫХ.